П. Лапинский.

„Социальное государство“. Этапы и тенденции развития.

1. „Хозяйственное государство“ капиталистов и „социальное государство“ реформистов [1]).

Государственная машина, которая приобрела громадное влияние на весь ход экономической жизни современного капиталистического общества, уже тем самым приобретает громадное влияние и на все положение рабочего класса. Достаточно припомнить расширенный круг функций послевоенного буржуазного государства, чтобы это стало ясно само собою. Мы приводили в другом месте ту картину деятельности этого государства, которую рисует в годичном отчете руководитель одного из крупнейших германских банков (Дарлиштедтер унд Националь Банк). Повторим здесь слова этого банкира еще раз.

«Государство,—говорит он,—как высшее авторитетное место, не должно бы покидать своего об'ективного поста, с высоты которого ему приходится наблюдать за всем ходом событий. Между тем оно все более и более стало вмешиваться в этот естественный процесс развития и в растущей степени превращается в определяющий фактор нашей хозяйственной жизни. Оно фиксирует высоту квартирной платы, руководит строительством домов, диктует цены на уголь, железо, калий, ведет само предприятия огромнейшего масштаба, расширяет в возрастающей степени свою деятельность на банковое и кредитное дело, взимает налоги не только с дохода, но и с самой субстанции, и с некоего центрального места определяет диктаторски заработную плату и продолжительность рабочего дня».

Не многим отличную от этой картину рисует нам и социал-демократический деятель Лебе, председатель германского рейхстага.

«Государство,—пишет он,—как к этому ни относиться, положительно или отрицательно, стало силою вещей государством хозяйства и социальным государством (Wirtschafsstaat und Sozialstaat). Оно—разумеется, всегда только в определенных границах — заботится о беременной матери и новорожденном ребенке, оно не только понуждает подрастающие поколения к посещению школ, но и контролирует их здоровье, поощряет их физические упражнения и их игры. Оно берет на себя часть их профессионального воспитания не только на роли будущих чиновников и ученых, но и ремесленников, крестьян и рабочих. Оно регулирует страхование больных, инвалидов, потерпевших от несчастных случаев, стариков, оно в некоторых пределах обеспечивает безработных. Оно вмешивается в конфликты о зарплате, посредничает между сторонами, понуждает их обратно к работе или к открытию фабрик. Оно воздействует на ввоз и вывоз, покровительствует картелям или наблюдает за ними. Оно берет на себя заботу о миллионах пострадавших во время войны, о возмещении убытков беглецам и изгнанникам. От колыбели до гробовой доски рука государства вмешивается в частные дела индивидов и групп в степени, никогда раньше не бывалой» [1]).

[1]) «Хозяйственное государство» и «социальное государство» («Wirtschaftsstaat» и «Sozialstaat») распространенные термины в германской буржуазной и реформистской литературе.

Каждая из этих картин окрашена по-своему сообразно точке зрения автора, но мелкобуржуазный реформист на этот раз постольку стоит выше поучающего своих современников банкира, что он не боится признать вынужденного характера этого развития в сторону расширения круга функций буржуазного государства.

Но как ни относится к этому развитию буржуазно - реформистский лагерь—положительно, как реформист Лебе, с надеждою на постепенное мирное врастание рабочего класса в это «социальное государство», или отрицательно, как Гольдшмидт, руководитель упомянутого банка (при чем, конечно, гг. Гольдшмидты отрицают только «перерост» тех функций государства, которые не на все 100% отвечают их непосредственнейшим интересам)—а факт тот, что капиталистическое государство, как его единодушно рисуют оба эти различных его столпа, должно было приобрести по степени и всесторонности совершенно небывалое влияние на весь склад и уровень жизни трудящихся, на всю жизнь «индивидов и групп» пролетариата «от колыбели до гробовой доски». Рост сил государственной машины и есть прежде всего—прямо и косвенно—рост ее влияния и воздействия, принуждения и контроля по отношению к миллионным рабочим массам, основной социальной силе и основному производственному фактору нашего времени. Ясно же, что государство, которое расходует колоссально возросшие доли «национального дохода», перекачиваемые в казенные сундуки при помощи послевоенной податной системы, государство, само превратившееся в громаднейшего предпринимателя и во всяком случае нормирующее и регулирующее хозяйственную жизнь в небывалых раньше степенях, государство, связавшееся как нельзя теснее с рентнерским богатством и со всем высокоорганизованным промышленным и банковым капиталом, государство, регулирующее ввоз и вывоз капитала, пользующееся усиленным и разностороннейшим влиянием на развитие денежного рынка и хозяйственной кон'юнктуры, на передвижение золота, капиталов и товаров и т. д. и т. п.,—это государство тем самым автоматически обеспечивает себе невиданное раньше влияние на весь уровень жизни рабочих, на нормирование их дохода, на всю обстановку их отношений со всеми другими классами общества. Всякий зигзаг денежной и кредитной политики, тот или иной способ расходования тех колоссальных ресурсов, которыми располагает послевоенное государство, то или иное направление банковской политики, застопорение или, наоборот, поощрение ввоза иностранного капитала в современной подвижной обстановке отражается немедленно и сильнейшим образом на положении трудящихся масс, на темпе кон'юнктуры, на степени безработицы, временно разряжая или сгущая атмосферу междуклассовых отношений и классовой борьбы. Многие из этих явлений (если и не

[1]) P. Löbe. Die Krise des Parlamentarismus. Nord und Süd. Mai 1928.

все) не составляют отличительного признака послевоенного времени, они существовали и раньше. Но степени влияния неизмеримо увеличились, это влияние государства стало более разносторонним, и вся обстановка, в которой это влияние проявляется, стала несравненно более подвижной, лабильной, придавая более подвижный, более интенсивный характер и всей этой деятельности государства. В этом смысле влияния этого государства на положение трудящихся масс нельзя и сравнивать с предвоенным.

Тут количество явно переходит в качество, и мы смело можем утверждать, что в этом смысле мы имеем пред собою и качественно новое явление, новый этап в развитии империалистического государства, как и всего государственно-монополистического капитализма. И перед войною только педанты и школьные учебники могли строго отличать область т. н. «социальной политики» (т.-е. всей сферы т. н. «рабочего законодательства»), от всей области «хозяйственной политики» капиталистического государства. В наше время грань между этими двумя областями еще более стерлась. Перечисляя все те основные вопросы, которые стояли в порядке дня государства—германского государства—в 1927 г. (реформа оплаты чиновников, вопрос об иностранных займах, вмешательство агента по репарациям, закон об упрощении податной системы и т. д.) и указав на тесную связь всех этих вопросов с «социальными» проблемами, ежегодник, издаваемый верхушечными органами германской тяжелой индустрии приходит к выводу: «Таким образом, мы видим, что вопросы экономической политики и социальной политики все более переходят друг в друга» («immer-mehr ineinander übergehen») [1]. Гг. Феглеры и Рейши правы: всей системой своей «экономической политики» современное капиталистическое государство воздействует и влияет на все положение трудящихся масс—в гигантском масштабе!

Но этого мало. Новое еще яснее выявляется там, где государство уже не косвенно, не всей системой своих хозяйственных связей и своей политики давит на рабочий класс, а там, где оно непосредственно контролирует и регулирует условия труда, нормирует заработную плату и всю систему дохода трудящихся, где оно непосредственно вмешивается в отношения между трудом и капиталом. И тут круг функций современного государства необычно обогатился, расширился. И в этой области, в сфере прямого, непосредственного воздействия государства на условия существования основной массы современных обществ, многомиллионного пролетариата, произошли коренные изменения. И здесь мировая война, принесшая с собою высшие формы государственного регулирования отношений между трудом и капиталом, не явилась только лишь преходящим, хотя и длительным эпизодом. И здесь — после первого самоуверенного штурма на наследие войны — оказалось, что полного возврата к старому, к предвоенной «норме» уже быть не может. Действие войны и ее основного наследия—глубочайшего потрясения всей капиталистической системы—действие революции и затем реакции и контрреволюции здесь скрестились и переплелись своеобразно. Ниже мы постараемся несколько подробнее расчленить очередные наслоения этих разных исторических факторов.

В итоге получилось государство, вооруженное до зубов, снабженное всеми усовершенствованными средствами бюрократическо - репрессивного, полицейского и военного воздействия на рабочий класс; но вместе с тем, оно оказалось вынужденным принять на себя личину высоко-попечительного государства, патриархально - надклассового или междуклассового, берущего на себя роль «арбитра», посредника между классами; оно оказалось вынужденным значительным образом расширить сферу «социального» законодательства, оно даже пыталось было строить целые системы специальных механизмов для организации «сотрудничества» классов (немецкие «заводские советы», английские т. н. витлеевские комитеты, всякие смешанные, управленческие и судебно-посреднические инстанции и т. п.).

[1]) Wirtschafts-Jahrbuch für d. niederrh.-westfäl. Industriegebiet. 1928. Стр. 54.

В этом смысле послевоенное государство становится непохоже на довоенное государство «нормальной» империалистической эпохи. Деятельность этого последнего в области «социального» законодательства явно иссякала, что и многократно подчеркивалось марксистской литературой того времени. Заигрывание с рабочими в прежнем стиле, законодательство по «охране» труда уступило в принципе место усилению всякого нажима на рабочий класс, сопряженного с националистской демагогией и питанием верхучешных слое пролетариата крохами от плодов империалистской политики. Некоторое исключение в этом отношении в среде старых капиталистических государств представляла собой лишь Англия, где пришедшие вновь к власти в 1906 году либералы выполняли в этой стране свою последнюю историческую миссию: попытку задержать явно нарастающую социальную бурю при помощи новой волны относительно широкого и смелого социального законодательства. Эта попытка, связанная с именем Ллойд-Джорджа, как известно, стала срываться в самые последние годы до войны, и только война спасла опять на время британский корабль от величайших потрясений, после чего старые, созревшие противоречия были воспроизведены историей в еще расширенном масштабе.

Военное и послевоенное развитие принесло в этом отношении новую полосу. В отличие от предвоенного империализма воюющему и в особенности послевоенному империализму пришлось опять взяться вплотную за то, что называют «социальным законодательством». В этом направлении толкал буржуазное государство новейшего времени целый ряд сильнейших и разнородных обстоятельств: и необходимости войны и страх перед рабочими (колоссально возросший с зарождением российской революции и победою российских большевиков) [1]), и вся система военной и послевоенной официальной демагогии, и вулканические сотрясения всей социальной почвы, глубоко взрытой войною, и боязнь конкуренции со стороны более отсталых и молодых стран, которым пытались навязать «условия труда», более близкие к господствующим в «передовых» промышленных странах, и слабость глубоко пошатнувшегося индустриального капитализма, который без поддержки государственных ресурсов оказался неспособным обеспечить рабочему классу уровня жизни, сколько-нибудь близкого к предвоенному уровню, и многое другое. Из всех этих разнородных элементов и родилась новая волна «социального» правотворчества новейшего империалистического государства.

Она-то и дает повод реформистам говорить о наличии некоего «социального государства» (или «социальной республики»), как какой-то особой государственной формации, какой, видимо, не предвидела старая социалистическая доктрина... В представлении реформистов в промежутке между обоими историческими полюсами,—буржуазно-демокра-

[1]) В «социальной» области «вильсонизм» был на 9/10 прямым плодом страха перед большевизмом. Реформисты не сознают или не хотят сознавать того, что многим основным из того, что они считают величайшим «достижением» послевоенной эпохи, они в величайшей степени обязаны именно революционной безудержности российских большевиков!

тической республикой и республикой социалистической,—очутилась какая-то средняя формация. Этой средней формации кладет начало мировая война, величайшая бойня народов. Это происхождение «социального» государства открыто признается реформистской «историографией». Революция (там, где она имела место) чуть было не отклонила в сторону, не нарушила естественного, дальнейшего, постепенного и мирного перерастания этих зародышевых форм в то «социальное государство», которое в более развернутой форме мы наблюдаем-де в настоящее время. Но в особенности профсоюзам (при поддержке умеренных, «разумных» элементов социал-демократической партии) удалось обеспечить этот процесс перерастания, за которым в том же порядке естественного социального процесса должно следовать и перерастание «социального государства» в государство социалистическое. «Социальное государство», конечно, заслуживает «самого положительного отношения» к нему («der höchsten Bejahung») со стороны рабочего класса. Ему обеспечена со стороны пролетариата «бо́льшая любовь, чем со стороны какого бы то ни было другого социального слоя» [1]). Современное государство становится, согласно этим представлениям, настоящим носителем исторических интересов, исторической миссии пролетариата, «идеи четвертого сословия». Без того нельзя было бы понять, почему рабочему классу дано побивать рекорд «любви» всех других общественных классов к этому государству. Ясно, что именно тут, именно в этой области, перед нами величайший мыслимый, радикальнейший переворот в отношениях социал-демократии к буржуазному государству.

Фактически же, если говорить об идеологии реформистов, мы имеем тут перед собою только новый, **современный вариант** почтенного, старого «**свободного**» или «**народного государства**» («Freierstaat», «Volksstaat»), о котором полвека назад говорили немецкие социалисты, идеализуя этим простую буржуазно-республиканскую демократию. Влияние мелкобуржуазных партий и их представлений здесь сказывалось совершенно очевидно, и эта идеализация буржуазной демократии и связанная с нею туманно-сентиментальная терминология вызывали, как известно, возмущенные протесты Маркса и Энгельса [2]). Теперь, спустя полвека, после колоссальнейшей военной встряски и крупнейших революционных потрясений, это «свободное» и «народное государство» не только возрождается торжественно из мертвых, но оно к тому же дополнительно, согласно все той же неизбывно мелкобуржуазной терминологии, «наполняется» «социальным содержанием» («mit sozialem Inhalt»). Процесс этого «наполнения» и составляет историческое содержание постепенного перехода от «социального государства» к социалистическому. В невредимый священный сосуд история вливает то то, то другое содержание: то буржуазно-капиталистическое, то — после всяких переходов — просто социалистическое. Буржуазная демократия становится настоящим органом перерастания капитализма в социализм. По самому смыслу «демократии» в этом процессе перерастания участвует и буржуазия (в лице тех или иных ее слоев и партий). Избирательно-парламентский механизм демократического режима буквально **заставляет** буржуазию принимать посильное участие в этом осуществлении — социализма. Социализм — экспроприация экспроприаторов, величайший переворот в истории человечества,—осуществляется в порядке некоторой «революции сверху» по образу и подобию того, как некогда отдельные буржуазные

[1]) Рих. Зейдель пишет в «Arbeit» буквально: «Я нахожу, что **всем нашим поведением мы выказываем готовность окружить это государство такою любовью, к какой, повидимому, едва ли способен в настоящее время какой бы то ни было другой социальный слой**». (Статья п. з. «Staatsverneinung—Staatsbejahung». «Arbeit». Окт. 1926, стр. 633).

[2]) См. их критические замечания по поводу готской программы.

революции осуществлялись в порядке «революций сверху», руками Бисмарков, Тьеров, Дизраэли, Кавуров, но только на сей раз гораздо полнее и вернее...

Вот основная схема представлений, которые кроются в «идее» «социального государства» (и которые достаточно сформулировать «до конца», чтобы пред глазами предстала вся их чудовищность с точки зрения и простой логики!). Вопросом об отношении реформизма, как и об отношении буржуазии, к послевоенному государству (к «социальному государству»), мы надеемся поближе заняться в другом месте. Тогда мы и убедимся, что это отношение у реформистов в области «теории» менее однородно, оформлено, приведено к одному знаменателю, чем на практике, в повседневном «движении» и сопутствующей его газетной «идеологии». Мы убедимся, что, несмотря на весь прогресс сращения реформистского движения с механизмом современного буржуазного государства, у реформистов фактически не имеется системы сколько-нибудь ясных, конкретных и однородных представлений о тенденциях развития этого государства. Рядом с превратившимся уже в ритуал восхвалением формальной демократии, мы услышим и другие нотки, нотки некоторого скептицизма к творческим способностям демократии, мы увидим признаки склонности отодвинуть демократию на некие вторые, дополнительные места, авансцену же очистить для представлений о сословно-корпоративной эволюции государства на основе прочного, так сказать, конститутивного примирения классовых противоречий. Идеи с определенно фашистским душком еще не совсем заметно, но все ощутительнее вкрапливаются в простую апологию демократии. Да иначе и быть не могло, ибо, как мы увидим, «социальное государство» в том виде, в каком оно существует не в воображении реформистов, а в исторической действительности,—является **естественной** почвой для сословно-фашистских идей.

Но каковы бы ни были тактические зигзаги и «теоретические» блуждания реформистов в отношении «социального государства», а общая основная тенденция тут и там выявляется все яснее: это тенденция к максимальному слиянию с послевоенным государством, к сращению с ним всех основных органов организованного пролетариата, тенденция к тому, чтобы в этом государстве устроиться «покомфортабельнее» (как готов формулировать и Отто Бауэр), рассесться в нем попрочнее, потеплее (как формулирует Зеверинг; т.-е. в частности, и коалицию с буржуазными партиями считать не преходящим эпизодом, а, так сказать, **конститутивной**, **природной формой** «**социального государства**»). Словом, тенденция, выражающаяся в лозунге: «hinein in den Staat»: проникай, внедряйся в государство. Заходи в здание государства, не как в организацию враждебного класса, а как в свой собственный, семейный дом, окруженный «любовью пролетариата, более чем какого бы то ни было другого социального слоя».

Точка отправления этого лозунга — **всепоглощающая роль современного государства**, как «государства хозяйства» («Wirtschaftsstaat») и как «социального государства», неслыханно возросшее влияние всей колоссальной машины государства, все более сливающегося со всей партийно - политической и профессиональной аппаратурой общественных классов, на всю жизнь пролетариата. На последнем конгрессе германской с.-д. в Киле Гильфердинг это так и формулирует в выражениях, учтиво отмеченных и руководителем боевого «Об'единения германских союзов работодателей» Браувейлером, как «полные мысли и интереса» [1]):

«Я говорил,—слова Гильфердинга,—о растущем взаимопроникновении хозяйства и государства, об их взаимном отношении, становящемся все

[1]) Schriften der Gesellschaft für soziale Reform-Bericht über die Verhandlungen der X Generalversamlung. Jena. 1927. Стр. 160.

более тесным, *благодаря организации хозяйства*... Я напоминаю вам о господстве государства на денежном рынке... Я напоминаю *о вопросах податной политики и торговой политики*... Мы пережили в последнее время чрезвычайное повышение цен на зерно, необходимо сделать ясным для масс, что цены на хлеб и мясо, есть не только экономические, но и *политические цены*, определяемые политическими соотношениями сил...

Но что важнее и что ново, это — регулирование государства в области, непосредственно касающейся пролетарских судеб, а именно: в области рынка труда. Мы имеем благодаря революции страхование от безработицы. Это обозначает вполне определенное регулирование спроса и предложения на рабочем рынке. Мы имеем, благодаря коллективно-договорному началу и примирительным камерам, *политическое регулирование зарплаты и политическое регулирование рабочего дня. Личная судьба рабочих определяется той политикой, которую ведет государство*». И т. д.

Именно из этого факта роста старых функций государства в сфере хозяйства и возникновения новых его функций в области, касающейся «личных судеб» каждого пролетария, Гильфердинг и делает вывод о необходимости более тесного приобщения пролетариата к этому новому государству, которого в результате просто не отделишь, не отличишь от всего социально-хозяйственного и партийно-политического механизма современности. «*В силу этого*,— говорит Гильфердинг,— *все партии стали необходимыми составными частями государства в точности так, как правительство и администрация*». «Государство — это я», — говорил «король-солнце» Людовик XIV. Государство—это мы—говорит теперь Гильфердинг: мы—т.-е. соц.-дем. партия (конечно, еще вкупе с кое-какими другими партиями); словом, с.-д. и профсоюзы — это некая дробь современного государства, современного «виртшафтсштаата» и «социальштаата».

Но эти обращенные к рабочему классу призывы почувствовать себя органическою составною частью современного государственного целого беспорно никогда не пользовались бы тем относительно значительным успехом, которым они еще пользуются, если бы это государство на самом деле не опутывало своими щупальцами всей жизни современного рабочего класса, «личных судеб» каждого рабочего, как говорит Гильфердинг, «от колыбели до гробовой доски», как говорит Лебе. *Этот громадный рост экономических и «социальных» функций государства стал в руках социал-демократии сильнейшим орудием деморализации рабочих масс.* Без этого орудия, без этой эволюции современного государства в сторону громадного роста его функций и полномочий, без его сращения и слияния с «хозяйством», социал-демократии—этой представительнице привилегированных слоев пролетариата, всяких социально и политически промежуточных общественных групп—никогда не удалось бы приобрести столь еще относительно прочного и значительного влияния на *широкие* пролетарские массы.

Свои силы и влияние реформизм строит, так сказать, диалектически, то на «левой» фразе, то лавированием и маневрированием, позой «оппозиции» к современному государству, когда оно слишком явно, слишком вопиюще обнажает свою классовую природу, то, наоборот, систематическим посевом надежд на то, что самим приобщением к *этому* государству с его всесторонними функциями и полномочиями рабочие массы не только улучшат свои «личные судьбы», но всей системой этих улучшений постепенно придвинут это государство к социализму... При чем, сомнения нет, *все* развитие толкает социал-демократию все более и все неотвратимее именно в эту сторону—вящщего сращения с современным государством,—все более сокращая для нее амплитуду возможного «лавирования и маневрирования», свободу ее движений.

Это делает для нас вопрос о «социальном государстве», об его исторических корнях, временных итогах и тенденциях развития не только теоретически интересным, но и практически важным. *Но что же представляет собой «социальное государство»?* Чем отличается оно от буржуазно-капиталистического государства довоенного периода? В чем выразилось усиление «социального правотворчества» современного государства, того «социального правотворчества», которое заглохло в эпоху «нормального», довоенного империализма? Почему это вдруг империализм более поздней, упадочной эпохи, империализм более подкошенный, в смысле хозяйственных ресурсов и возможностей более слабый, стал более «плодотворным» в «социальном» отношении, более щедрым на средства? И куда ведет это как будто неожиданное его развитие?

Без сомнения, по сравнению с прошлым мы имеем тут перед собою разницу *не только количественного, но качественного порядка*. В основе явления лежит характернейшее, как увидим, явление неразрывной связи, настоящего «сращения» *двух* элементов: бесспорного роста всякого «охранительного» законодательства, во-первых, и, во-вторых,—зарождения и развития в основном, исторически новой системы мер и средств, рассчитанных на проведение и обеспечение «сотрудничества классов», «сотрудничества» труда и капитала под верховным патронатом мнимо «надклассового» государства. *Новое «социальное» правотворчество капиталистического государства неотделимо от практики и организации «бургфридена».*

На самом деле. Мы имеем, *с одной стороны*, явление в количественном отношении серьезнейшего роста всякого рода законодательства по «охране» труда и в более широком смысле всякого «социального» законодательства, мы наблюдаем по-своему, можно сказать, бурное развитие того, что немцы называют «рабочим правом» или рабочим законодательством. (При чем характерно,—мы это увидим ниже,—это правотворчество в общем не прекращается в периоды реакции, и «чисто» буржуазные правительства тут в общем не отстают от правительств «рабочих партий», или от коалиционных правительств). Государство видит себя вынужденным проводить целую серию мер по «охране» труда, оно признает «в принципе» восьмичасовой рабочий день (не решаясь впоследствии, по крайней мере, в крупнейших странах отменять его без остатка), оно обеспечивает известным категориям рабочих некоторый минимум зарплаты, оно постепенно вводит целую систему страхований, из которых в особенности страхование от безработицы, если мерить довоенной меркой, является на вид весьма «радикальным» нововведением. В связи со всем этим развитием издержки государства по всякого рода «социальным» статьям и относительно и абсолютно вырастают значительно, поглощая более крупные доли государственного бюджета. В частности, пособия для безработных поглощают в послевоенное время миллиардные средства, в не малых частях черпаемые из общегосударственных ресурсов (включая сюда же и ресурсы органов самоуправления). Государство начинает играть совершенно новую роль при обеспечении рабочему классу (в его целом) некоторого минимального уровня жизни. Правда, этот уровень жизни *в лучшем случае* достигает довоенного уровня. Но если бы отсчитать пособия безработным, больным, инвалидам, вдовам, всяким пенсионерам и т. п., то этот уровень был бы еще значительно ниже. Государ-

ство своими ресурсами в невиданных до сих пор степенях в некотором смысле «восполняет» предпринимателя. «Доход» рабочего класса (в его целом) в других долях, чем до войны, слагается из зарплаты и из всяких «обеспеченных» пособий указанного типа [1]).

Это, с одной стороны. С другой стороны, мы наблюдаем состоящую в неразрывной связи со всем предыдущим «правотворчеством», усиленную, проходящую в исторически новых формах деятельность послевоенного буржуазного государства, направленную на обеспечение «социального мира», «сотрудничества» между трудом и капиталом, устранения или ослабления конфликтов между ними, планомерной и разносторонней кооперации между высшими организациями капитала (сословно-классовыми и частнохозяйственными) и общеклассовыми организациями пролетариата. Этих целей, занимающих все более центральное место во всей политике государства, оно добивается как при помощи чисто-политических средств, так и при помощи специально для этих целей создаваемых временных и постоянных органов, иногда развиваемых и в законодательном порядке в целые системы. Государство поощряет (или даже само созывает) «национальные» конференции рабочих и предпринимателей, создает примирительные камеры с целой градацией инстанций, «промышленные» и «рабочие суды», заводские комитеты и советы, общенациональные «экономические советы», всякие паритетные и смешанные органы с разнороднейшими функциями совещательного, административного, судебного, судебно-арбитражного, самоуправленческого типа и т. п. Словом, оно вступает на путь того, что на языке реформистов именуется прекрасным именем «хозяйственной демократии». Попутно и в качестве основной предпосылки всего этого нового «творчества» оно существенно меняет свое отношение к профсоюзам, не только формально-юридически «признавая» профсоюзы (там, где оно их раньше отказывалось «признавать»), но формально и фактически узаконяя их, как легальное представительство всей массы рабочих, не только управомоченное заключать законно-обязательные (и для неорганизованных) коллективные договоры, но и по закону участвующее в лице делегируемых представителей в разных органах государства или создаваемых государством. Сросшись как нельзя теснее и как никогда раньше, с решающими организациями капитала и все более «внедряя» профессиональные организации рабочих в свой собственный механизм, государство все планомернее способствует организационному контакту организованных в сословия высших сил современного общества под своим скрытым или явным патронатом, как «внеклассового», или «надклассового», посредничающего, покровительственного фактора.

Трудно в сочетании этих двух элементов, слагающихся в систему правотворчества «социального государства» (к этим двум элементам следовало бы присоединить и третий, каким является громадное усиление всего бюрократического, полицейского и военного аппарата принуждения!), не усмотреть некоторых классических признаков бонапартизма или,—более по-современному,—фашизма. «Социальное государство» реформистов, тождественно с «хозяйственным государством» капиталистов и окрашено густо в своеобразный бонапартистско-фашистский оттенок [2]).

---

[1]) Государство в этом деле в значительной степени является только передаточным механизмом, черпая нужные ему на это средства непосредственно из кармана рабочих при помощи всяких податей, автоматически взимаемых взносов и т. п. и возвращая их тем же рабочим под видом всяких пособий. Но несравненно более крупные, чем до войны, доли зарплаты протекают таким образом через каналы государства, что, опять-таки, в некотором смысле, укрепляет связь между рабочим классом и государственным аппаратом.

[2]) В конце нашей статьи мы остановимся подробнее на вопросе о том, в каком смысле и степени к описываемому развитию применимы термины «бонапартизм» и «фашизм».

«Посредничество» между классами в современном обществе,—в особенности в самых развитых, промышленных странах, — есть, ясное дело, прежде всего «посредничество» между пролетариатом и капиталистической буржуазией. Высокая же организованность этих двух основных классов современного высокоразвитого общества, охватываемых все более монополистическими организациями,—будь то тресты и профессиональные организации предпринимателей или профсоюзы рабочих,—эта высокая организованность решающих классов должна была иметь своим последствием то, что «посредническая» роль государства должна была налагать на него своеобразно сословный «корпоративный» отпечаток. В наше организованное время такая тенденция к сословности должна явиться, можно сказать, автоматическим последствием всякой политики «примирения классов». Ибо в настоящий момент авансцену истории занимают два решающих класса, каковые уже не представляют бесформенной, распыленной массы, но достигли высочайших степеней организованности, в особенности по линии «профессиональных» интересов. Как иногда память умирающего озаряется на момент воспоминанием о всем прошлом и всем современном, так и капиталистическое государство в последнюю фазу своего существования причудливо сочетает элементы далекого сословного средневековья; бонапартизма и буржуазной демократии.

«Чистый» вид развития, сгусток тенденций мы наблюдаем только в странах победоносного фашизма, где запоздалое капиталистическое развитие натолкнулось на особые трудности и где значительные слои деклассированной мелкой буржуазии могли временно выступить, как крупная динамическая сила. В других странах мы имеем еще только дело с противоречивыми во многом тенденциями и намечающимися оттенками.

Но «социальное государство» стоит того, чтобы к нему ближе присмотреться. Тут общими формулами не отделаешься. Когда и как оно возникло, каковы этапы и итоги его развития?

Начнем с вопроса об исторической преемственности.

2. Об исторической преемственности.

Нет точной грани между тем, что внесла в развитие современного буржуазного государства в социальной области война, приведенная реформистами к поражению революция и наступивший после первой революционной (или полуреволюционной встряски) период реакции. Ни один из последних двух периодов уже не был в состоянии целиком порвать с наследием предыдущего или предыдущих, хотя и каждый вносил свою особую струю, свои особые наслоения. Но полный возврат к предвоенному прошлому уже оказывался невозможным. Мировая война в этой области, как и во всех других, обозначала собою не преходящий, хотя бы и длительный и бурный эпизод, а историческую грань, начало новой эпохи. И в сфере «социального» законодательства, государственной нормировки отношений между классами, старый капиталистический мир оказался «out of frame», «вышедшим из рамок», и никакая историческая сила уже неспособна вставить его в эти рамки обратно. Война тут дала, безусловно, новый могучий импульс, и нити от созданного ею развития пронизывают и последующие периоды революции и реакции. Силы контрреволюции (как крупнокапиталистические, так и мелкобуржуазно-реформистские, «спасающие общество от коммунистических рабочих») с первого момента революции с полным сознанием строят свою работу на фундаменте, созданном войною (т.-е. прежде всего на «сотрудничестве» классов).

Где, как в Англии, процесс революционного развития оказался недостаточно сильным, чтобы сразу же расслоить массы, сразу же оттолкнуть сомкнутую фалангу старых лидеров в лагерь сознательной и активной контрреволюции, где они, наоборот, еще проходили через фазу некоторого «радикализма», там все старые лидеры с различьем лишь в оттенках, строили также свою политику и все свои усилья на фундаменте, созданном войною (притом не имевшем здесь столь ярко-одиозной окраски, как в Германии!), стремясь в принципе эти «достижения» военного периода только дальше развить, перетолковать, переработать в «радикальном» направлении. Одно время в страхе перед революцией и в состоянии охватившей их растерянности, предпринимательские круги и коалиционное правительство (вплоть до тепе- решних Черчиллей и Биркенхедов) следуют за лебористскими лидерами на этом пути. Поэтому, когда наступает период реакции, в одних странах раньше, в других позже, он уже находит пред собою некоторую амальгаму из «достижений» обоих периодов, военного и революционного. В период реакции буржуазия и ее правительства (отчасти при прямой и косвенной поддержке реформистов) стремятся «abbauen», как говорят немцы, т.-е. расстроить, убрать возможно больше из того относительно «положительного» (с точки зрения интересов рабочего класса), что вместили в себя «достижения» обоих предыдущих периодов (как, например, восьмичасовой рабочий день и т. п.). Но вычеркнуть все уже не удается буржуазии, ее органам и сподвижникам. Она всерьез и не пытается этого сделать, по крайней мере в руководящих странах. И это не только потому, что она не задается утопией, не только потому, что страх перед революцией еще полностью ее не оставил, что ни в одной из решающих стран ей не удалось победить, подавить рабочего класса «до конца» (так, как это ей удавалось в предыдущие исторические эпохи, в 48—9 г., в 71 г.). Не только потому, а еще и потому, что в «достижениях» предыдущих периодов (военного и революционного) рядом со всякими неудобными для нее элементами (в роде восьмичасового рабочего дня, системы всяких социальных «обеспечений», страхований и т. п.) имелись весьма ценные, незаменимые для нее (в определенной исторической обстановке) элементы. Это все то, что в области практики и идеологии связано было так или иначе с «сотрудничеством» классов, реализуемым, гарантируемым и символизируемым всякого рода классовосмешанными учреждениями, органами и затеями (всякого рода паритетными органами, согласительными камерами, конференциями «социального мира», и т. п.). Ибо все сплошь развитие всех трех упомянутых периодов (военного, революционного[1]) и периода реакции) было отмечено двумя неразрывными тенденциями: тенденции к вынужденным «уступкам» пролетариату более или менее неизменно сопутствовала тенденция связать их с системой, с практикой и идеологией сотрудничества классов, посредничества между ними, мнимого удовлетворения их обоюдных, общих интересов, «примирения» труда

[1]) Конечно, говоря о революционном периоде, мы имеем здесь все время в виду не те цели и тенденции, которые преследовала последовательно-революционная часть пролетариата, его авангард—этот авангард стремился просто к социальной революции, к социалистическому перевороту, — а те цели, которые ставили себе силы контрреволюции, в том числе и ее мелкобуржуазно-реформистские элементы. С победою этих сил в фактическое наследство этого периода вошли их «достижения», ублюдочные и двусмысленные, хотя, конечно, и овеянные духом того бурного времени, которому они были обязаны своим происхождением. В качестве плода незавершенного революционного развития остался, конечно, не социализм и не власть пролетариата, а только всякие бумажные обещания, и рядом с ними сокращенный рабочий день, всякие социальные «обеспечения», страхования, классово-смешанные органы и т. п.

и капитала при условии фактического признания незыблемости основ частнохозяйственного строя. Конечно, эта параллельная тенденция исходила не от революционно-авангардных элементов пролетариата, но исходила как от буржуазии (всех ее слоев), так и в той или иной степени и от всего реформистского движения. В «достижения» пролетариата как в период войны, так и в послевоенные периоды революции и реакции, буржуазия и реформизм примешивали последовательно элементы «попечительности» государства, якобы стремящегося подняться выше классов, посредничающего между ними, удовлетворяющего их «общие» интересы, обеспечивающего, восстанавливающего и развивающего их «общую» основу, сводящего их вместе в лице их организованных сил. Элементы современно-бонапартистского или фашистского развития ведут свое происхождение с самой войны и проходят так или иначе, под действием тех или иных сил и через все последующие периоды.

Нельзя сказать, чтобы и эти элементы социальной патриархальщины, попечительства над организуемыми в сословья современными классами, «посредничества» между ними и т. п. начисто отвечали,—всегда и во всякой обстановке,—интересам крупной буржуазии. Но в определенных исторических условиях, когда необходимо сдерживать и обманывать массы, когда вся экономическая обстановка стала необычно сложной, лабильной и трудной, крупнокапиталистическая буржуазия, пусть и скрепя сердце, мирится с этими необходимостями положения. Поэтому при всех наскоках на «достижения» предыдущих периодов она и с наступлением реакции (т.-е. укрепления своей власти) все же в общем стремится щадить (пусть и со смешанными чувствами), а то даже и развивать дальше все то в этих «достижениях», что представляет собой гарантию «сотрудничества классов» и «мира в промышленности».

Таким образом, некоторую историческую преемственность мы можем констатировать сквозь все три периода при всем их различии. И при всей разнородности привносимых каждым из этих периодов наслоений в итоге все же получается в «социальной» области нечто общее, некоторые, проходящие через все этапы развития тенденции. Для большей ясности и конкретности мы сперва постараемся рассмотреть в исторической очереди, что нового и своеобразного вносил в интересующую нас область каждый из упомянутых трех периодов — война, революция и реакция, — и затем уже попытаемся хотя бы в самой общей форме подытожить результаты всего развития. На всех этапах мы постараемся проследить развитие по обеим вышеуказанным параллельным линиям: т.-е. по линии «уступок» пролетариату и по линии организуемого сверху «сотрудничества» классов. Конечно, это разделение имеет только условное, ограниченное значение, ибо, как уже было сказано выше, обе эти линии развития более или менее неразрывны (разрыв получался только в самые бурные моменты революции, когда реформистским вождям приходилось поневоле несколько запрятать свои бургфриденовские тенденции и когда пролетариат брал «с бою» свое); каждая «уступка» так или иначе окутывалась в практику, организацию и пропаганду сословно-классового сотрудничества, и частенько вся-то «уступка» и сводилась к чисто-демагогическим (хотя и вынужденным) затеям своеобразно «бонапартистского» типа: как, например, созываемым по почину правительств смешанно-классовым конференциям с широчайшей программой «хозяйственной демократии», от которых в результате не оставалось ничего.

Все же ради прозрачности изложения мы будем по возможности рассматривать раздельно развитие по обеим линиям, говоря в одном случае об «уступках», в другом о методах и органах «сотрудничества» классов (т.-е. насаждаемых сверху элементах «бонапартистского» или «фашистского» раз-

вития) и все время, конечно, не упуская из виду условности всех этих избираемых нами для простоты обозначений и различений. Мы будем иллюстрировать наше изложение прежде всего материалом из опыта самых типичных, высокоразвитых промышленных стран, т.-е. Англии и Германии. Затем остановимся вкратце на опыте стран, представляющих своеобразную разновидность, т.-е. Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов, и уже после этого сможем перейти к попытке обобщений. Нигде не будем останавливаться на конкретных подробностях (они уже разработаны в громадно разросшейся литературе, в особенности в Англии и в Соединенных Штатах), стремясь из гущи фактов извлечь только общие тенденции развития, важные для обрисовки буржуазного государства нашей переходной эпохи и роли в нем реформистского движения. Наконец, мы здесь целиком оставим в стороне явления роста принудительного, бюрократическо-полицейско-военного аппарата, которые Ленин столь справедливо относил к характернейшим свойствам государства эпохи государственно-монополистического капитализма. Мы здесь будем говорить о других средствах нормировки отношений между классами,—в связи со всей сферой так называемого «рабочего» или «социального» законодательства.

3. Война кладет начало „социальному государству“.

Итак, начнем с войны. Война дала здесь безусловно первый, мощный толчок, образуя бесспорно историческую грань. Все или почти все «новое» в сфере современнейшего «социального» законодательства, чем гордится либеральная или либеральничающая буржуазия (а в наше время всякая буржуазия вынуждена так или иначе «либеральничать») и в унисон с ней реформисты, все здание пресловутого «социального государства» так или иначе нисходит своими фундаментами к мировой бойне. Реформисты,—мы имеем в виду, в частности, германских реформистов,—прекрасно сознают эту историческую преемственность и поныне буквально с благодарностью вспоминают эпоху войны, как родоначальницы «социального государства»! И, когда вспыхивает революция, они сознательно и последовательно стремятся вырастить именно те ростки, которые были засажены гогенцоллернским государством в эпоху войны. Рядом с завоеванием политической «демократии» к этому сводится для них весь смысл революции 1918 г. Все прочее было, с их точки зрения, только плодом «хаоса» и большевистской революционной утопии.

Конечно, не все, что принесла с собою война в области нормировки социальных отношений, заслужило себе непреходящую благодарность реформистов, но даже и самое подлое нововведение, как пресловутый «Закон о вспомогательной службе», закрепостивший рабочий труд, но давший некоторые новые «права» профсоюзам, представляется и поныне реформистам чем-то в роде «победы принципа», как некогда Марксу представлялось победою принципа введение десятичасового рабочего дня. Известный профсоюзный юрист Георг Флато пишет в 1927 г.:

> «Война обозначает поворотный пункт в развитии рабочего права. Государство признает профсоюзы, как призванное представительство всей рабочей массы, и посильно поощряет соответствующую им форму договора,—коллективный договор. В законодательном отношении эта измененная ситуация находит свое выражение в «Законе о вспомогательной службе» от 1916 г., предоставляющем трем основным направлениям в профдвижении исключительное право делегирования своих представителей в образуемые по этому закону паритетные комиссии и вообще привлекающем профсоюзы к существенному участию в проведении этого закона».

Перечислив ряд других «уступок» (образование впервые рабочих комитетов на заводах, работающих на войну, согласительных камер, запрет ночной работы для пекарей и т. п.), Флато продолжает:

> «Законодательство периода революции в начале в быстром темпе продолжает развитие, начавшееся во время войны» [1]). Следует изложение достижений революции.

Таким образом, революция (так, как ее понимают профсоюзные бюрократы) является в некотором смысле простым продолжением войны. И в этом представлении кроется несомненная и немалая доля истины, если принимать во внимание то направление, которое постарались дать революции гг. реформисты.

На самом деле. Вся обстановка, созданная войною, властно побуждала воюющие государства перейти к наивысшим формам вмешательства в отношения между трудом и капиталом с конечною целью обеспечения условий наивысшего напряжения производства. Регулирование условий труда стало неизбежною составною частью регулирования производства. Точно так же, как всякая демагогия в отношении рабочих масс стала неизбежной составной частью всей системы военной демагогии. Тут сразу же выступает в той или иной пропорции сочетание некоторого минимума «уступок» пролетариату с разработкой новых и сложных методов обеспечения «мирного» сотрудничества труда и капитала (как никогда срощенного с государством). Война и кладет начало этому своеобразному дуализму, легшему у основы «социального государства». Очень скоро одна патриотическая идеология, лозунг «спасения отечества», с добавлением всяких аналогичных лозунгов «спасения права, цивилизации» и т. п., оказываются недостаточными. Эти лозунги более общего характера приходится дополнять все растущими дозами социальной идеологии, системой обещаний и намеков на «прочное улучшение отношений между трудом и капиталом» (выражение из доклада так наз. «Комитета Витлея»), на начало «новой эры», прочно обеспечивающей трудящимся массам улучшенные условия жизни. В душнейшей обстановке государственного принуждения, режима «Закона о вспомогательной службе» и «Доры» [2]), отсутствия всяких конституционных свобод, физического и морального террора, закрепощения труда,—рождаются ростки будущей идеологии «хозяйственной демократии». И в этом отношении война опередила революцию (революцию по-реформистски) [3]).

В этом же направлении действовала уже тогда боязнь рабочих. Если в Германии война приносит с собою уменьшение численного состава профсоюзов, который начинает бурно расти только с приходом революции, то, с другой стороны, в Англии этот бурный рост начинается уже с войною, во время которой количество членов профсоюзов удваивается. К этому присоединяется еще и тот факт, что, вопреки первоначальным ожиданиям, после краткого промежуточного периода обнаруживается повсеместно недоста-

---

[1]) «Grundfragendes Arbeitsrechts». Fünf Vorträge. (Сборник докладов виднейших профсоюзных писателей). Берлин, 1927. Издание АДГБ. Стр. 12—3.

[2]) Привычное сокращение обозначения «Defense of Realm Act» (Д. О. Р. А.), «Закона об обороне Королевства», фактически упразднившего в Англии конституционные гарантии.

[3]) Даже и идеи «национализации» некоторых отраслей национального хозяйства и участия рабочих в управлении этими отраслями получают и у самых «умеренных» реформистов новый импульс под действием войны, как это показывают резолюции бирмингамского конгресса трэд-юнионов в 1916 г.

ток рабочих рук, вызываемый колоссальными потребностями разрушительнейшей войны и неслыханными мобилизациями. «Впервые за многие сотни лет,—констатирует одно лейбористское исследование,—спрос на рабочие руки превышал предложение, и пришлось быстро прибегнуть к вмешательству государства, чтобы не допустить использования рабочими преимущества их крепкой позиции» [1]).

Практика государственного вмешательства на основе «социального мира» и всей связанной с этим демагогии сразу же приобретает двойственный, внутренне-противоречивый, «диалектический» характер: она, конечно, навязывается буржуазии высшей силой всей обстановки, буржуазия в принципе предпочитала бы обойтись без всего этого перероста государственного вмешательства в ее «частные» дела, без связанных с этим «уступок» рабочим и двусмысленной и поэтому для нее опасной демагогии. С другой стороны, вся эта «охрана» интересов рабочих со стороны «попечительного» государства и социальная демагогия служат не только целям обмана масс, но и непосредственнейшей их сдержки. Это не только клапан безопасности, это и механическое средство зажима рабочих масс. И в этом еще отношении «достижения» революции (революции—по-реформистски) являются продолжением военных «достижений». Отмеченная внутренняя «диалектика» расцветет со временем во - всю в таких в особенности учреждениях, как немецкий принудительный арбитраж.

Но присмотримся к плодам «социального» творчества бойни народов поближе. И самым реакционным правительствам приходится ради обеспечения себе поддержки профсоюзов и «патриотического» развращения рабочих вступать на путь некоторых дешевеньких «уступок», но получающих в глазах профсоюзных реформистов значение «победы принципа». Вот перечисление этих начальных «уступок» в уже цитированном докладе Флато:

> «В области охраны рабочих война приносит рядом с некоторым временным устранением кое-чего от прошлого и прогресс в виде запрета ночной работы для пекарей, в области социального страхования рядом с приспособлением к условиям войны введение каждонедельных пособий, в области учета и посредничества рабочего труда (Arbeitsnachweis) первые государственные мероприятия, выражающиеся во введении центральных справочных бюро, в области попечительства над безработными начало его отмежевания от попечительства о бедных» (разрядка везде наша) [2]).

Словом, «победа принципа» («первые государственные мероприятия», «начало отмежевания» и т. п.) ознаменована в целом ряде «областей». При чем основная «победа принципа» выражается в том, что кладется начало государственному «обеспечению» безработных. «Индустриальная резервная армия» переводится из разряда официальных пауперов, живущих милостыней, в повышенный разряд «обеспечиваемого» государством сословия! Эти зародышевые блага войны и поныне тщательно и благодарно регистрируются в профсоюзной литературе, предназначаемой для широкой рабочей публики. Историческая преемственность, берущая свое начало от бойни народов, везде неуклонно устанавливается.

В книжечке о профсоюзном движении в Германии, изданной амстердамским интернационалом, в главе, озаглавленной «Социальная политика и военное попечительство», читаем:

[1]) Цитировано у Alama. G. B. Fisher. «Some problems of wages and their regulation in Great Britain since 1918». Лондон. 1926. Стр. 13. Эту, богатую фактическим материалом книгу мы в дальнейшем обильно используем.

[2]) Цитир. сборник. Стр. 12.

> «Профсоюзы немедленно поставили свой богатый социально-политический опыт на услуги военного попечительства. Они использовали свое сотрудничество при постройке и проведении военного попечительства, чтобы охранять рабочих от последствий войны и чтобы рядом с мероприятиями, посвященными этой цели, добиться установления прочных социально-политических учреждений согласно со своими старыми требованиями» (разрядка наша) [1]).

Словом, благодаря «участию» профсоюзов с их «богатым опытом» в «военном попечительстве» мировая война (что за нежная, богом одаренная эпоха!) становится еще и эпохой мирных, но зато «прочных социально-политических» завоеваний, эпохой реализации «старых требований» профсоюзов,—по крайней мере в смысле «победы принципа»... В чем же состоит главное достижение в этой области? Когда в конце 1914 г. в ответ на пред'явленные профсоюзами пожелания гогенцоллернское правительство ограничивается обращением требования к коммунам о проведении «попечительства над безработными»

> «профсоюзы следят за мероприятиями, предпринимаемыми на этом основании коммунами, и когда им пришлось констатировать, что усердие, проявляемое коммунами при этом в лучшем смысле этого слова патриотическом деле, ни в коем случае не могло быть признано удовлетворительным, они продолжали свои старания, чтобы добиться пособий для безработных из государственных средств. И они добились того, что союзное государство в силу постановления Союзного Совета от 1 декабря 1914 г. передало в распоряжение коммунальных органов субвенцию в 200 милл. марок для целей еженедельных военных пособий, как и пособий для безработных».

Словом, почти эпос! Мировой рабочий класс (для которого на всех основных языках издаются публикации амстердамского интернационала) должен и поныне хранить в благодарной памяти эту сумму в 200 милл. марок, ибо она представляет собой то зернышко, из которого впоследствии постепенно выросла гордая система страхования от безработицы, «прочно» реализовавшая далее всего шедшее «старое требование» социал-демократии, коего целью было обеспечить рабочие массы от худшего зла, безработицы,—размеры которой оказались впоследствии грандиозными—и этим «нейтрализовать» нажим «индустриальной резервной армии» на уровень зарплаты. (Мы впоследствии увидим, с какою степенью успеха!)...

Но несравненно более широкие, как и более прочные, хотя сразу и менее заметные нововведения приносит с собою война в области регулирования зарплаты. Тут «новое» отнюдь не всегда имеет характер «уступок» рабочему классу, оно не является продуктом сознательного «творчества» военного государства, отчасти просто проходит мимо него. Между тем, в этой области воюющее государство (и стоящая за ним капиталистическая буржуазия) волею-неволею вступает здесь на скользкий путь. За многое, что получает в этой области начало в военный период, капиталистической буржуазии и ее государству приходится еще спустя много лет довольно жестоко расплачиваться (между прочим, и всеобщей. и горняцкой забастовкой в Англии в 1926 г.). И многое из «идеологии», связанной с практикой регулирования зарплаты тех времен, переходит по наследству в проч-

[1]) Richard Seidel. «Die Gewerkschafsbewegung in Deutschland». Amsterdam. 1927 г. Стр. 83.

ный железный фонд центристско-реформистских течений (как, напр., пресловутая теория т. н. «living wage», т.-е. зарплаты, обеспечивающей «приличную» жизнь).

Но обратимся вкратце к основным фактам. Тут более всего прозрачен и поучителен британский опыт. В Англии гнет военно-полицейско-государственной машины в период войны сказывался все же несколько слабее, чем в совершенно закрепощенной Германии. И рост численного состава профсоюзов здесь не был задержан войною. И фактическая история интересующего нас развития лучше разработана в соответствующей литературе. Но многое из развития, ясно наметившегося в Англии, стало в той или иной степени общим законом и для других стран (в частности и для Германии). Основные тенденции развития можно схематически свести к трем моментам. Первый момент — это совершенно небывалый рост непосредственного вмешательства государства в дело нормирования и регулирования зарплаты. (То, что мы наблюдаем в этой области в настоящее время и есть прямое наследие тех времен). Второй момент—это необычно сильно проявившийся процесс выравнения зарплаты, (а стало быть и уровня жизни) отдельных слоев рабочего класса, на время несколько подкосивший корни рабочей аристократии (создавая в ее рядах почву для временного проявления «левых» настроений!), но одновременно относительно повышая уровень жизни рабочей демократии (с обратным результатом, т. е. несколько облегчая доступ реформизму в эту рабочую среду), в общей же сложности сближая друг с другом различные прослойки пролетариата, сплачивая пролетарскую массу, но и создавая почву для большей амплитуды колебаний между радикальными настроениями и сословно-цеховыми, захватывающими в обоих случаях более широкие массы. Третий момент—это (по крайней мере кажущийся) отрыв зарплаты от положения промышленности, от того, что «промышленность (точнее, та или иная ее отрасль, то или иное предприятие) в состоянии дать», т. е. от степени ее рентабельности. Так как фактически промышленность, питаемая годами неисчерпаемыми государственными заказами, искусственно процветала, и с другой стороны государство по социальным соображениям чувствовало себя вынужденным обеспечивать всем слоям рабочих кое-какой уровень жизни, то практически вопрос о рентабельности просто не ставился. (В худшем случае государство заботилось о том, чтобы этот вопрос не ставился рабочими с целью получения слишком «высоких» ставок). На этой почве и возникла теория «living wage» («жизненной», «достойной» зарплаты и т. п.), причинившая впоследствии с переменой отношений не мало хлопот государству и промышленникам и разработанная в целую утопическую доктрину английскими центристами.

Коснемся вкратце каждого из этих трех моментов в отдельности. Первые два получили более универсальное применение. Что же касается третьего, то ясно, что в Германии с ее нищенскими условиями жизни масс во время войны государство и буржуазия остерегались болтовни о «living wage». (Ее заменял «К.—К.—Brot», неудобос'едобный хлеб с одним и с двумя «К»).

Рост вмешательства государства. Война внесла первоначально большой хаос в методы установления зарплаты в Англии, в которой и до войны коллективные договоры охватывали около $2\frac{1}{2}$ миллионов рабочих. Механизм ставшего необходимым увеличения номинальной зарплаты применялся разнообразный, но в итоге,—пишет Алан Фишер,—«область, охваченная различными методами государственного регулирования, стала столь

обширной и значительной, что не будет допущено серьезной ошибки в утверждении, что по всей стране зарплата находилась под контролем государства того или иного типа» [1]. Так или иначе и в том или ином темпе уровень зарплаты повсеместно равнялся по масштабам, установленным официальными органами. «В некоторых случаях, как напр., на железных дорогах, форма коллективных договоров, существовавшая и до войны, была сохранена, но железнодорожный Исполнительный Комитет, с которым теперь приходилось иметь дело профсоюзам, был уже Комитетом Борд оф Тред (т. е. Комитетом при Министерстве. Прим. наше), хотя его членами и состояли директора железнодорожных обществ, и в случае отсутствия согласия окончательное решение принадлежало Борд оф Тред или иногда Военному Кабинету. Горнорабочие были фактически точно так же наемниками государства» [2].

Очень скоро все регулирование зарплаты, как и весь верховный контроль над производством страны перешел фактически к всемогущему «Комитету по производству» (Committee of Production), возникшему в феврале 1915 г. Уже спустя две недели после своего возникновения Комитет приходит к заключению, что

> «в течение настоящего кризиса (речь, конечно, о войне. Прим. наше) ни предприниматели ни рабочие ни в коем случае не могут допускать, чтобы возникающие между ними разногласия приводили к прекращению работ... В случае возникновения разногласий, которых не удалось бы уладить непосредственно заинтересованным сторонам, ни их представителям, ни путем применения уже существующих схем, вопрос должен переходить к нейтральному («impartial») трибуналу, назначенному правительством его величества для немедленного расследования и доклада правительству на предмет улажения».

Правительство приняло немедленно к исполнению указания Комитета, и этим была положена основа относительно более однообразному, упрощенному и ускоренному регулированию зарплаты, пережившему, как увидим, и период войны. Уже спустя месяц, большинство профсоюзов, связанных с военным производством, берет на себя обязательство не прибегать к забастовкам и пред'являть возникающие спорные вопросы на решение Комитета по производству или другого трибунала. В июле того же года «Закон о военном снаряжении» придает решениям Комитета обязательную силу. Цепь замыкается. И в тех отраслях, которые непосредственно не подчинены законом ведению Комитета по производству и его органов, авторитет Комитета признается сторонами, и развитие норм зарплаты так или иначе приспосабливается к его указаниям. Государственное нормирование зарплаты становится простою составною частью государственного контроля над производством. «Социальная политика» и «хозяйственная политика» сливаются в одно целое под патронатом и руководством всесильного государства, конечно, неразрывно связанного с мощнейшими капиталистическими кругами, но уже тогда далеко не чуждого страха перед рабочими и поэтому выступающего в облачении высшей, об'единяющей, «нейтральной» силы, «примиряющей» противоречивые интересы.

Значение вмешательства государства вырастает еще в результате того, что уже начинает выступать наружу то явление, которое мы ниже осветим подробнее, а именно: государство со своими материальными

[1]) Alan G. B. Fisher. «Some problems of wages and their regulation in Gr. Britain since 1918». London. 1926. Стр. 1.

[2]) Там же. Стр. 2.

ресурсами и своим организационным механизмом вынуждено восполнять, заменять предпринимателя для «обеспечения» рабочим определенного уровня жизни, определенной нормы «дохода». Впоследствии это явление выразится в относительно крупном развитии всякого рода страхований и другого типа «пособий», без которых уровень «дохода» рабочего класса в целом и поныне существенно отставал бы и от довоенного уровня. В самый разгар войны выплачиваемый железнодорожникам в Англии так. назыв. «War bonus», т.-е. дополнительная «военная» субвенция к старой зарплате, фактически выплачивается (в виду тяжелого положения частных жел.-дор. компаний) из средств казначейства.

В других странах мы наблюдаем только те или иные варианты в принципе того же развития. Тут явное начало кое-чего нового, не совсем преходящего, а именно: более близкого и непосредственного отношения государственной машины к нормировке зарплаты и вообще всей доли участия рабочего класса в «национальном доходе». «Одно несомненно—заявляло впоследствии, уже после окончания войны, Министерство Восстановления—вопросу о зарплате уже никогда не будет дозволено вернуться к положению, каким оно было десять лет назад, когда государство не имело к нему никакого отношения» [1]).

Второе—процесс выравнивания зарплаты отдельных слоев пролетариата: некоторая «уравнительная» тенденция при регулировании зарплаты во время войны была навязана государству как чисто экономическими фактами (громадным спросом на рабочие руки, необходимостью пустить в ход всю имевшуюся в распоряжении рабочую силу и вместе с тем не допустить ни слишком высоких ставок, ни конкуренции между предпринимателями в борьбе за рабочую силу), так и социальными соображениями (необходимостью хоть в минимальной степени поддерживать «патриотический» пыл рабочих), так, наконец, и чисто техническими соображениями, связанными с военной обстановкой (необходимостью действовать при регулировании зарплаты упрощенными и быстро действующими методами). Последнее, т.-е. упрощение методов, выразилось, напр., в том явлении, что становившиеся неизбежными (с понижением ценности денежной единицы) повышения зарплаты получали по преимуществу форму так назыв. «военных бонусов», т.-е. более или менее однообразных прибавок, в результате чего «хуже оплачиваемые категории получали относительно более значительное увеличение, нежели другие категории». Отдельные решения регулирующих инстанций обобщили эту практику в целое своеобразное «учение» [2]).

---

[1]) Цитировано у Фишера. Стр. 180. Конечно, «никакое отношение», т.-е. отсутствие всякого отношения, никогда не было фактом в капиталистической природе: капиталистическое государство всегда всем своим весом и механизмом стояло в принципе на стороне предпринимателей и против рабочих во всей системе их взаимных отношений. Дело только в более прямом и непосредственном «отношении» этого государства к нормировке зарплаты и всего дохода рабочего класса.

[2]) В отдельных случаях и при все возобновлявшихся (с ростом падения ценности валюты) повышениях, несоответствие между разными категориями оплачиваемого труда замечательно уменьшалось. Фишер приводит, напр., такой яркий случай из практики железнодорожников: тогда как зарплата отдельных неквалифицированных ж.-д. рабочих поднялась к концу войны с 18 шиллингов до 51, зарплата машинистов скорых поездов поднялась с 48 шилл. до 81; т.-е. превышая раньше зарплату неквалифицированных на 166%, превышала ее в 1918 г. уже только на 60% (стр. 211). Подобных примеров из практики разных стран можно бы привести не мало.

В результате всех этих фактов значительно сократилось расстояние между оплатою мужского и женского труда, квалифицированного и неквалифицированного, оплатою отдельных отраслей индустрии, наконец, значительно сократились локальные различия. Вот те основные четыре линии, в направлении которых наметились тенденции к выравнению. Важнее всего здесь смягчение различий между неквалифицированным и квалифицированным трудом и пробившая себе путь тенденция к коллективным договорам в национальном масштабе.

Широко распространенное мнение о необычайно высоких заработках квалифицированных рабочих сводилось в значительной степени к легенде, покоившейся на «грубом преувеличении», как признают в настоящий момент более беспристрастные наблюдатели [1]). Зато относительное повышение норм оплаты неквалифицированного труда—факт несомненный. Серьезнейшее же во многих отношениях значение приобретает получившая новый импульс тенденция к высвобождению нормировки зарплаты из пут локальной и цеховой замкнутости с переходом к нормировке в едином, общенациональном масштабе. Условия войны и необходимости простых и быстрых решений побуждают правительство, по крайней мере на время, стать на сторону общенациональных соглашений против местных и цеховых. Но это не проходит даром и сказывается в послевоенные годы. В 1920 г. «Национальный Союз Железнодорожников» настаивает на том, что «железные дороги должны рассматриваться, как нераздельное целое», и «Промышленный Трибунал» (Industrial Court) вынужден стать в принципе на сторону Союза против узкоцеховых союзов (Craft Unions), отстаивающих обязательность своих местных договоров. Центральным пунктом громадного конфликта в угольной промышленности весной и летом 1921 г. является этот же вопрос об однородном общенациональном методе повышений или снижений ставок.

Ясно, что это развитие должно было приблизить друг к другу различные слои рабочего класса и в частности подтолкнуть развитие так наз. «индустриальных уний», т.-е. союзов, охватывающих всю промышленность, в ущерб более мелких узкоцеховых союзов, атомизирующих рабочую массу. Ясно также, что упомянутое развитие должно было расширить базу для коллективных договоров, сообщая всем этим новый толчок развитию профсоюзного движения и всей системы отношений между наемным трудом и капиталом (к чему мы в другой связи еще вернемся).

Некоторое выравнение оплаты труда различных категорий рабочих явилось, без сомнения, общеевропейским явлением (конечно, только «некоторое», а далеко не абсолютное) [2]).

В среде воюющих держав исключение составили разве только Соедин. Штаты [3]). В тех же странах, где впоследствии наступило резкое обесценение валюты, инфляция поравняла всех в нищете.

---

[1]) Фишер, стр. 8.

[2]) Общеевропейскими должны были стать и политические последствия этого развития. Оно в целом способствовало внутреннему сплочению рабочего класса, но и усилило амплитуду его колебаний, временно облегчая смену настроений на более широкой массовой основе и временно сдерживая ту внутриклассовую и партийно-политическую диференциацию (расслоение) рабочего класса, которая приобретает более прочные, менее расплывчатые контуры только в позднейшие годы. Указанное развитие, таким образом, быть может, в прошлом замедлило процесс образования, укрепления, отвердения последовательно-революционных пролетарских партий, но в конечном итоге оно только облегчит им охват более широких, безусловно решающих пролетарских масс.

[3]) Отчет германских профсоюзных деятелей об их поездке в С. Штаты приписывает это тому обстоятельству, что в С. Штатах профсоюзы являются исклю-

Показательно, что и *диференциация ставок пособий безработным* сообразно их прежнему роду занятий и степени квалифицированности только с трудом пробивала себе путь. Итак, например, немецкие профсоюзы только 6 марта 1926 г. при сопротивлении со стороны коммунистов и не без внутренней борьбы в собственных рядах [1]), решились выступить открыто с требованием «градации (пособий) по классам зарплаты».

Отметившаяся более или менее повсеместно (при поддержке профсоюзной бюрократии) реакция против этих «уравнительных» тенденций уже не смогла вернуть полностью прежнего положения ни еще менее устранить тенденцию к переходу к регулированию зарплаты в общенациональных или во всяком случае крупнейших районных масштабах как на основе коллективных договоров, так и арбитражных решений, охватывающих сотни тысяч рабочих.

Переходим к *третьему* моменту, характеризующему теорию и практику государственного регулирования зарплаты во время войны. Это—*формальный разрыв между рентабельностью промышленности и уровнем зарплаты и сопутствующая ему «теория»* т. н. *«living wage»* («жизненной», «разумной», «достойной» и т. п. зарплаты). Мы уже указали выше, что этот формальный «разрыв» (т.-е. мнимое установление зарплаты безотносительно к рентабельности промышленности, а только в применении к некоторому, «разумному» уровню жизни пролетариата) мог наступить только в момент, когда вопрос о рентабельности промышленности *практически не стоял*, когда промышленность питалась неограниченными военными заказами государства. Промышленность, работавшая на войну, безусловно господствовавшая и превалировавшая в заботах государства, создавала норму, закон и для неохваченных непосредственным военным производством отраслей.

В первый период войны обстановка новых, громадных затруднений, тяжелое финансовое положение, стремление кое-как обуздать безудержную экономическую стихию создало у правительственных органов стремление использовать свои регулирующие функции для недопущения резких повышений зарплаты. К началу второго года войны британское правительство пытается строго ограничить всякое дальнейшее повышение зарплаты уже только «подтягиванием локальных условий там, где это оказалось бы необходимым» (т.-е. некоторым выравниванием зарплаты в отдельных отстающих местах) [2]). Но очень скоро экономическая стихия войны опрокидывает эту

чительно организацией рабочей аристократии, которая одна только могла сполна использовать для себя наступившую с войною повышательную тенденцию на зарплату. В результате,—резюмирует отчет,—«в С. Штатах с 1914 г. наступило не сближение («Zusammenschiebung») различных слоев пролетариата,—как оно произошло в Германии,—но увеличение расстояния между ними» («Auseinanderschiebung»). «Amerikareise deutscher Gewerkschaftsführer». Berlin. 1926 г., стр. 37. Согласно тому же отчету, вопреки распространенному представлению о необычайном благосостоянии *всего* рабочего класса Америки, около одной трети всего числа рабочих живет в туманном кругу бедноты (стр. 181). Это легко себе представить, если сообразить, что, согласно цензу 1923 г., еще целая половина американских рабочих работала на предприятиях, затрудняющих менее 100 рабочих (Report of the delegation appointed to study industrial conditions in Canada and the United States of America, 1927, ст. 15). Предлагаем также посмотреть сопоставление зарплаты фабричных рабочих с зарплатой «простых рабочих на дорогах» в «Commerce Yearbook» за 1926 г. (I т., стр. 62). Картина невероятная: даже и *номинальная* зарплата этих рабочих вышла из войны *пониженной* против довоенной, тогда как зарплата фабричных рабочих более, чем удвоилась!

[1]) Как это признает профсоюзный «Ежегодник» (Jahrbuch, 1926, des ADGB, стр. 49).

[2]) Labor Research Department. Wages, Prices and Profits. Стр. 12 и след.

чисто консервативную тенденцию. Неудержимо растущие цены, необходимость действовать быстро, не слишком раздражая рабочих и в то же время сдерживая и умеряя их «вожделения» заставляют государство прибегнуть к более простым и «ясным» методам и критериям.

Практика более или менее однообразных повышений на основе подвижной скалы в применении к «цене жизни», т.-е. к индексу цен на необходимые товары, пробивает себе широко путь, становится общим правилом при решениях Комитета по производству и его органов. Новый критерий пришел как раз во-время. В рабочих массах уже успело поколебаться доверие к «беспристрастности» государства. Рабочие массы необходимо было успокоить. «С другой стороны, не следует забывать, что фундаментальным свойством рабочего рынка во время войны была нехватка рабочих рук в результате последовательного поглощения военной службой 8 миллионов людей. В жизненных отраслях промышленности эта нехватка *повлекла бы к неограниченному повышательному движению* (зарплаты), *если бы рабочему люду дана была возможность добиваться максимальной цены за свой труд*. В этой обстановке и при существовавшем для крупных частей промышленного населения обязательстве—подчиненном патриотической, а то и законной санкции—оставаться на той или иной работе, *никакой другой принцип* (подразумевается, кроме принципа повышения зарплаты применительно к «цене жизни») *не был возможен*» [1]).

Таким образом, новый критерий зарплаты имел, по меньшей мере, двойственный смысл и значение. Он действовал на рабочих «успокаивающе», притом «трактуя одинаково различные их категории» (напоминает сэр Джордж Асквит, первый председатель «Комитета по производству»), с другой стороны, сдерживая и обуздывая рабочих. И хотя смысл нового официального критерия сводился прежде всего к применению зарплаты к индексу цен, все же практика однообразных прибавок (о которой не даром в этом контексте напоминает Асквит), натиск снизу и демагогия сверху несколько раздвинули рамки и в особенности понимание нового критерия. *Так возник двусмысленный лозунг «living wage»* с его вариантами «разумной», «достойной» и т. п. зарплаты. Постепенно сложился софизм, будто государство (и капиталистическое общество) обеспечивает, или обязывается (или даже «обязано») обеспечить рабочим массам «разумный», «достойный» и т. п. уровень жизни. В связи с этим создалось представление, будто жизнь окончательно порвала с освященным всей логикой капиталистического режима и всей традиционной практикой трэд-юнионов принципом устанавливания норм зарплаты в строжайшем применении к тому, что каждая данная отрасль, каждое данное предприятие «способно платить» в данное время и при данной кон'юнктуре. Этот принцип «экономической зарплаты» будто бы уступил место более общему, более однообразному и универсальному принципу обеспечения всякому рабочему и во всякое время «достойного» и «разумного» уровня жизни «независимо» от условий рентабельности. При всей фальши, скрывающейся во всем этом, ясно все же, что военная обстановка толкнула тут капиталистическое государство на скользкий путь. Оно само помогло бросить в массы двусмысленный лозунг, который со временем должен был так или иначе обратиться и против него. «Отношение, установленное между зарплатой и ценой жизни [2]) (cost of living), было, без сомне-

---

[1]) W. T. Layton. «An Introduction to the Study of Prices». London. 1922. Стр. 141/2.

[2]) Следовало бы, конечно, употреблять выражение «издержками на содержание». Мы употребляем здесь (как в дальнейшем нашем изложении) неправильное выражение, являющееся буквальным переводом, так как оно дает более ясную логическую (как и терминологическую) связь с также буквально непереводимым лозунгом и термином «living wage».

ния, революционным нововведением»—пишет уже не раз цитированный нами Фишер. «Революционным» оно, без сомнения, не было (а было даже и контрреволюционным, поскольку оно ставило себе целью и обуздание «аппетитов» рабочих, как это признает и либерал Лейтон, и сам Фишер), но верно то, что оно не обошлось в дальнейшем без революционных последствий.

Страх перед революцией (подстегнутый победою большевиков в России) побудил впоследствии «теорию» «living wage» включить и в официальное «учение» вильсонизма и даже—обстоятельство уже несколько позабытое—и в доктрину версальского договора. В военно-социальном декалоге, провозглашенном в начале 1918 г. президентом Вильсоном, на созванной им конференции из представителей американских промышленников и Американской федерации труда, было официально прокламировано «*право всех рабочих, включая и чернорабочих, на жизненную зарплату*» («living wage»). «При определении зарплаты—об'являлось дополнительно—должны быть устанавливаемы минимальные ставки, обеспечивающие рабочему пропитание с его семьей в условиях здоровья и разумного комфорта» [1]). И пресловутый § 427 версальского договора рядом с восьмичасовым рабочим днем и другими пунктами этой капиталистической «декларации прав рабочего» провозглашает принцип «оплаты за нанимаемый труд зарплаты, необходимой для обеспечения *разумного уровня жизни*». К старым побуждениям присоединилось новое: боязнь сильнейших капиталистических держав промышленной конкуренции со стороны молодых и новых государств с их низкой зарплатой. Эти великолепные начала (как впоследствии фритредерская мораль «манифеста банкиров») предназначались прежде всего на вывоз.

Практика своеобразно толкуемого «living wage» просуществовала в Англии после войны еще приблизительно целых 1½ года. В 1920 г. «Промышленный Трибунал» в одном из своих решений пытается обосновать необходимость разрыва с этой практикой, с переходом на старые изведанные принципы.

> «Во время войны,—рассуждает трибунал,—когда обычные экономические условия были нарушены, или временно приостановлены, цена жизни (cost of living) служила важным фактором при определении зарплаты. В настоящее время, когда рынок опять свободен, трибуналу представляется, что перемены в цене жизни сами по себе не должны неизбежно обусловливать какие бы то ни было изменения в зарплате. Вознаграждение различных слоев рабочих должно, при нормальных обстоятельствах, зависеть от ценности произведенной работы, ценность же произведенной работы зависит от состояния рынка и спроса на фабричное производство» [2]).

Мы видим, это полнейший, циничнейший разрыв с прежней продолжительной двусмысленной практикой и в особенности «теорией». Условия на самом деле резко изменились. В том же 1920 г. начинается колоссальный кризис английской промышленности. Вопрос о «рентабельности» теперь встает остро. Вместо нехватки рабочих рук, получается колоссальная безработица. Но двусмысленная практика военного и первого полуреволюционного периода и связанная с нею гнусная, цинично-обманная демагогия сверху сделали свое. Именно кругом этого противоречия—«экономическая зарплата» (т.-е. зарплата, максимально считающаяся с рентабельностью каждой отрасли и каждого предприятия) и «жизненная плата»—разгорается борьба классов, продолжающаяся и поныне. Ее кульминационным моментом

¹) См. W. Jett Lauck. «Political and industrial democracy». New-York, 1926, стр. 15.

²) «Labour Cazette», март, 1920 г. Цит. у Лейтона. Там же.

является всеобщая забастовка и забастовка горнорабочих 1926 г. Основной лозунг капиталистов, государства и в растущей степени всех реформистских вожаков—требование, обращенное к рабочим: «face the facts!», смотрите в лицо действительности, т.-е. считайтесь с тем, что «промышленность способна дать». Наоборот, основной практический лозунг и инстинктивное стремление масс сохранить, защитить завоеванный, еле-еле достигающий предвоенных норм уровень жизни. Поражением 1926 г. массы расплачиваются за провокационную демагогию капитала и государства времен войны и первого послевоенного периода, но эти массы вместе с тем переступают через тот традиционный и священный предел, какой ставит их экономической борьбе капиталистический режим, т.-е. через принцип рентабельности предприятия. Эти массы, пусть отчасти еще только безотчетно, вступают на путь борьбы с капитализмом, как хозяйственной системой; т.-е. фактически на революционный путь. Это та цена, которую платят буржуазия и ее государство за свою двусмысленную практику и экцессы демагогии военного и революционного периода.

Теперь для нас ясно, откуда черпает свою мудрость британский центризм (а отчасти и новейшая немецкая реформистская «теория»). Лозунг «living wage», который стал центральной, программной концепцией британских «левых» лебористов (в особенности из рядов независимой рабочей партии) и с которым фактически совпадает лозунг «высокой зарплаты» (как предполагаемого выхода из кризиса сбыта), распространенный в немецкой реформистской теории,—этот лозунг ведет свое начало от вильсонизма, от версальского договора, от двусмысленной практики и официальной демагогии эпохи войны и первого революционного периода (отчасти продолженной и в период инфляции, когда «рентабельность» предприятий оставалась также непрозрачной). Но так как центристы, как и простые реформисты, боятся революционных последствий и выводов и, наоборот, на практике всячески желают считаться с «возможностями» индустрии (т.-е. с ее рентабельностью)—в особенности, когда дело становится серьезным, как было в Англии в 1926 г. в период стачки горнорабочих—то свое требование «living wage» (или просто «высокой» зарплаты) они соединяют с программой «реформы» капитализма (практически, отнюдь не идущей дальше требований либерального «Меморандума») или с наивными упражнениями в области «теории рынка»: механизм капиталистической промышленности должен быть настолько «реформирован», обновлен и «рационализирован», чтобы восстановить свою способность обеспечивать рабочим «living wage», достаточно «высокую» зарплату. «Высокая» (или «разумная», «достойная» и т. п.) зарплата, создавая в самой стране платежеспособный спрос, и явится-де лучшим выходом из затруднений сбыта для послевоенного капитализма. Таким образом «living wage» становится средством исцеления капитализма. Вместо революционной диалектики получается простая программа «рационализации», одобренная утопической теорией внутреннего рынка [1]).

Таково, заметим в скобках, историческое происхождение самых «смелых» реформистских «идей»: война, вильсонизм, официальная капиталистическая демагогия, инфляция.

Все же *основных* нововведений и «достижений» войны, перешедших по наследству к позднейшим периодам революции и «стабилизации» и получивших еще дальнейшее развитие и поэтому заслуживающих особого внимания, следует искать не столько в упомянутых двух областях («охранитель-

¹) Замечательно удачную критику этой «теории» дает Пальм Дэтт в своей книжечке «Socialism and the living wage» (Лондон, 1927. Изд. брит. коммун. партии), которую мы усердно рекомендуем читателю.

ного» законодательства и нормировки зарплаты), сколько и прежде всего в области профсоюзного движения. Война кладет начало целой эволюции реформистских профсоюзов, глубоко видоизменяя всю систему взаимоотношений между этими союзами, представляющими собой самую массовую организацию рабочего класса, и современным капиталистическим государством. Война кладет также начало заводской организации рабочих, подчиняя ее профсоюзам (еще раньше, чем это с сознательно-контрреволюционными целями успели сделать профсоюзы, превратив предварительно революционные Советы в жалкий ублюдок «гарантированных» конституцией «Заводских советов»). Наконец, война кладет начало в известном смысле новому, сословному перерождению профсоюзов, глубоко меняя их прежние функции, обеспечивая им фактический перевес над той же реформистской, но политической организацией рабочих (т.-е. над социал-демократической партией), включая их в общегосударственный механизм, сближая их и с формально несоциалистическими профсоюзами и сводя их с такими же, т.-е. общецеховыми профессионально-сословными организациями предпринимателей и в основном подчиняя профсоюзы контролю последних.

Мы уже склонны забывать о том, что многое, что мы в этой области наблюдаем в настоящее время и что нам представляется чем-то новым и новейшим, ведет свое фактическое непосредственное начало от империалистической войны. Она и здесь явилась «родоначальницей», открыла новую главу истории капиталистического общества.

Воюющее государство начинает с того, что оно «признает» профсоюзы по всей линии, официально и формально. С принятием закона от 26 июня 1916 г. с германских профсоюзов снимается их приравнение к политическим союзам, с чем были связаны всякие стеснения. Но и в более «свободолюбивой» Англии, где профсоюзы были гораздо сильнее укоренены в законе и в обычаях, чем в Германии, окончательное «признание» профсоюзов государством было также отнюдь не лишено практического значения. В некоторых важнейших отраслях промышленности—как на железных дорогах—вопрос о «признании» профсоюзов (как равноправной стороны при заключении договоров) сохранял жгучее значение до самой войны. И здесь должен был наступить перелом. «Необходимость обеспечения доброй воли трэд-юнионистов во время войны на самом деле заставила правительство предпринять меры, усилившие и консолидировавшие позицию всех трэд-юнионов [1]). (Конечно, это «усиление» и «консолидацию» следует понимать только в специфическом смысле).

Но дело не ограничилось одним изменением формально-юридического отношения! Дело пошло несравненно дальше этого. Энгельс писал о том в восьмидесятых годах, как с глубоким изменением всего хозяйственного и политического положения в Англии с 1848 года «трэд-юнионы, еще недавно оглашаемые как дьявольское изобретение, стали теперь предметом ласк («кажолирования») и протекции фабрикантов, как в высшей степени оправдывающие себя учреждения и как полезное средство распространения здоровых экономических учений среди рабочих» [2]). Государству в период мировой войны профсоюзы становятся еще нужнее, чем английским фабрикантам пятидесятых и следующих годов прошлого столетия: оно вынуждено их «кажолировать и протежировать», нуждаясь в них не только для распространения среди рабочих «здоровых экономических (и политических!) учений», но и как в простейшем «полезном средстве» для приведения

[1]) Фишер. Цит. труд. Стр. 62—63.
[2]) Die Laged. «Arbeitenden Klasse in England». Введение к V нем. изд. стр. 17.

в максимально-производительное движение всей огромной машины человеческого труда. Всякое упрощенное и ускоренное регулирование условий труда государством требовало того или иного участия профсоюзов, на этот раз как представительства всего рабочего класса. Государство должно было даже способствовать расширению этого фактического и формального «представительства интересов» и на неорганизованных, т.-е. по сути именно на весь рабочий класс. Профсоюзы и стали не только «признанным» фактором, но и об'ектом «ласк и протекции» государства, убедившегося в «здоровье» распространяемых ими «учений». Государство сводит профсоюзы с организациями предпринимателей, вводит представителей профсоюзов в качестве законного представительства наемного труда во вновь образуемые смешанные, паритетные согласительные учреждения и т. п.

Этим об'ясняется, почему и самые гнусные военные мероприятия, окончательно закрепощающие труд рабочих для целей военного производства, сочетаются с расширением формальных прав и полномочий, с установлением новых функций профсоюзов. Так было, например, с самым подлым и диким измышлением немецкой военщины, так наз. «Законом о вспомогательной службе», законом, который во имя выполнения так наз. «программы Гинденбурга» превращал большинство германских рабочих в военно-мобилизованных. С этим окончательным закрепощением пролетарского труда связан был целый ряд нововведений (как-то: согласительных органов, заводских комиссий и т. п.), в которых и поныне реформистская мысль усматривает «победу принципа», начало «хозяйственной демократии». Во введении к своему новейшему учебнику пишет широко известный знаток германского «рабочего права» Вальтер Каскель (считающийся «классиком» в этих вопросах):

> «Решающее преобразование современного рабочего права начинается все же только с «Закона о вспомогательной службе» от 5 декабря 1916 г., с которым вступает в силу новый период развития рабочего права не только потому, что этот закон вводит (для всех соответствующих заводов) комиссии служащих и рабочих, явившиеся предвестниками наших теперешних заводских комитетов, и не только потому, что в этом законе предусмотрены согласительные комиссии, из которых выросли теперешние согласительные комиссии, но прежде всего потому, что закон этот формально признал союзы, предоставив им право делегирования своих представителей в согласительные комиссии, и практически допустил их в широчайшем масштабе к проведению всего закона в жизнь. С этого момента «хозяйственные об'единения работодателей и нанимающихся на работу» (законно-техническое обозначение, которое они тут впервые получают) становятся согласно некоему «неписанному государственному праву»—первоначально в области социально-политического законодательства и управления, а впоследствии и во всех других областях внутренней и внешней политики—решающими факторами нашей общественной жизни» [1]).

Мы видим, худшее и злостнейшее закрепощение рабочих и их подчинение предпринимателям (и их высшим военным целям) вырастает в представлении либерально-профессорской, как и реформистской «историографии» в целую историческую грань, в начало целой эпохи, ибо именно с этим закрепощением исторически-неразрывно связано все новейшее развитие

[1]) W. Kaskel. «Arbeitsrecht». III изд. Берлин. 1928. стр. 8.

профсоюзов, как законно «признанного», внедряемого в государственный механизм, формально уравниваемого с «об'единениями работодателей» «фактора нашей общественной жизни». Но в Англии, как и в Германии, новые функции и новое положение профсоюзов вырастают также в неразрывной связи с основным актом законодательного творчества войны—«Законом о военном снабжении» 1915 г. (Munitions of War act), запрещающим забастовки и практически вводящим для целых категорий рабочих принудительный труд. Все эти нововведения прежде всего глубоко меняют самые функции профсоюзов. Временному ослаблению подвергается даже и практика коллективных договоров, ибо в деле установления условий труда обе стороны, т.-е. и рабочих и предпринимателей, отчасти заменяет теперь государство. «Это обстоятельство,—констатирует Фишер,— неизбежно ведет к ослаблению побуждений к сохранению тесного контакта между рабочими и предпринимателями, который до войны способствовал сокращению расстояния между притязаниями обеих сторон [1]).

Эта формулировка неверна, или верна только отчасти. Верно то, что этот «контакт» между рабочими и предпринимателями получает только другой характер, другое содержание и формы, как восстанавливающаяся впоследствии в расширенном (а не в сокращенном размере) практика колдоговоров меняет также постепенно свой характер. У обеих сторон появляется «посредник» и верховный судья, в лице государства и его новых органов. Из всей практики, всего «тона» деятельности, всего «контакта» профсоюзов с предпринимателями улетучиваются, выветриваются элементы борьбы. Из борющейся (пусть и в скромно-деловых размерах) стороны профсоюзы превращаются в ходатаев, в адвокатов, в стряпчих рабочего класса перед лицом мнимо «третьей» инстанции—капиталистического государства. Забастовки, основное средство борьбы, фактически и по закону исчезают из их практики и кругозора. В отдельных случаях само возникновение профсоюзов, расширение права коалиции на новые слои рабочих и служащих (в государственных предприятиях) обусловливается формальным условием отказа от права на забастовку. Так возникающий в 1916 г. «Немецкий союз железнодорожников» после продолжительных препирательств уже не включает в свой устав упоминание о забастовке и не предусматривает пособий бастующим членам союза, зато требует введения согласительных инстанций. «Контакт» между профсоюзами и предпринимателями отнюдь не прекращается—наоборот. В Германии, именно во время войны возникают постепенно в разных отраслях «Arbeitsgemeinschaften»—«трудовые об'единения» профсоюзов с союзами предпринимателей, из которых и вырастает с началом революции центральная «Arbeitsgemeinschaft» Стиннеса и Легина. Только этот «контакт» существенно меняет свою породу: антагонистический подход к вопросам зарплаты и других условий труда постепенно подменяется возможно «согласованным», совместным подходом к «более широким областям» всего «социального» законодательства и постепенно и всей хозяйственной, а отчасти и просто «всей внутренней и внешней политики». Из борющейся стороны с определенно очерченными задачами профсоюзы постепенно превращаются в некую составную и «признанную» часть государственного и социально-экономического механизма всей буржуазно-капиталистической общественности.

Эта перемена функций влечет за собою (как всегда в живой природе) и структурно-анатомические перемены. Из представительства передовых слоев пролетариата (то «передовых» только в смысле привилегированного положения—аристократической верхушки рабочего класса, то по-настоящему передовых — в политическом отношении) профсоюзы становятся представителями цеховых интересов более широкой (в том числе отчасти и неорганизованной) массы. (Конечно, все это следует понимать «в тенденции», а не буквально).

---

[1]) Цит. труд. Стр. 2.

Это выражается в двух фактах. В Германии эта тенденция находит себе выражение в характернейшей перемене отношения массы т. н. «свободных» профсоюзов (примыкающих к с.-д. партии) к другим и формально несоциалистическим союзам, т.-е. «христианским» (католическим) и «гирш-дункеровским» (либеральным) профсоюзам. Старая, традиционная грань между этими союзами стирается. Союзы всех этих трех типов входят в растущую близкую связь (что об'ясняется отнюдь не только пробуждением более классовых инстинктов в среде несоциалистических союзов). Союзы эти сближают друг с другом их новые функции. Они действуют вместе, согласованно при заключении новых тарифных договоров, при «подготовке» (под контролем и по почину государства) «попечительного законодательства», в органах «военного попечительства», во вновь возникающих смешанных, заводских комитетах и т. п. Решающую роль играют здесь именно те новые функции, которыми снабжает профсоюзы, «признавшее» их воюющее государство и предприниматели. «Признание профсоюзов государственною властью и предпринимателями, — пишет Рих. Зейдель, — имело своим последствием взаимное признание профсоюзов различных направлений друг другом» [1]). Впоследствии эти профсоюзы всех направлений заключают совместно пресловутую «Arbeitsgemeinschaft»—трудовую общину—с предпринимателями.

Второй факт, второй признак относительности, так сказать, расплывчатости контуров профдвижения — это возникающие «Arbeitsgemeinschaften», где уже заведомо профсоюзы представляют не отдельные слои организованных рабочих, но, наоборот, выступают, как представительство интересов всей массы рабочих. Много позднее глубокое недовольство рабочих кладет конец этим об'единениям труда и капитала (к несомненному сожалению многих профсоюзных бюрократов). Но фактически они исчезают только формально. «Трудовая общность» между предпринимательскими об'единениями и профсоюзной верхушкой, сплошь и рядом весьма интимная (и даже тем более интимная, чем менее формальная), продолжается, и многие идеологи профсоюзов открыто мечтают о восстановлении этой «трудовой общности» только лишь в более высоких, усовершенствованных «конститутивных» [2]) формах, предполагающих распространение принципа «паритетности» на разные профессиональные органы (торговые палаты и т. п.). Другое явление, сюда же относящееся—это восполнение профсоюзов низовыми органами «заводскими комитетами», охватывающими в тех предприятиях, в которых они возникают, всю массу служащих и рабочих. Законодательство и практика сразу же связывают эти органы с профсоюзами, комитеты фактически становятся добавочными органами профсоюзов.

И тут война кладет первые основы заводской организации. Реформистская «историография» и поныне констатирует с благодарностью, что именно в подлейшем рабовладельческом «Законе о вспомогательной службе» 1916 г. «комитеты рабочих и служащих на заводах, как и согласи-

---

[1]) Richard Seidel. «D. Gewerkschaftsbewegung in Deutschland». Стр. 96.

[2]) Lothar Erdmann («Zum Problem der Arbeitsgemeinschaft», «Arbeit», октябрь 1926 г., стр. 648) говорит об «Institutionelle Arbeitsgemeinschaft».

тельные органы получают впервые свою прочную законную основу» [1]. Революция с ее советами явилась только бурным зигзагом, который осложнил «нормальное» развитие этих гогенцоллернских комитетов к теперешним «завкомам» («Betriebsräte»), точно так же более или менее целиком превращенных в подсобные органы профсоюзов!.. Подытоживая «историческое развитие», пишет и Каскель: «Рядом с организацией на профессиональной основе появляется, наконец, *совершенно новая* организация на заводской основе» [2]).

Но все это вместе взятое (распространение согласительной процедуры, внедрение профсоюзов в государство в качестве законно признанного представительства *всего* рабочего класса, «расплывчатость организационных контуров» и т. п.) способствует *перерождению профсоюзов в своеобразно-сословную организацию на основе представительства цеховых интересов организованной и неорганизованной массы* (чему в известной степени способствует и указанное выше некоторое выравнение зарплаты и прочих условий труда различных категорий рабочих). Капиталистическое государство не только вручает профсоюзам право законного представительства и неорганизованных частей пролетариата, мало того, оно в своих же кровных интересах (нуждаясь в профсоюзах «для распространения здоровых учений среди рабочих» и т. п.) готово даже и само *стремиться к более полному об'единению рабочих в профсоюзы*. В своем первом докладе от 1917 г. образованный в марте 1916 г. британский «Комитет по вопросам об отношениях между работодателями и нанимающимися на работу» (впоследствии широко известный под названием «Комитета Витлейя») приходит к заключению, что

> «существенным условием обеспечения прочно улучшенных отношений между работодателями и наемным трудом является *наличность адэкватных организаций со стороны обоих*» [3]).

Государство само стремится к возможно полной, «адэкватной» организованности «наемного труда» на сословно-профессиональной основе. Даже и реакционнейшее в социальном отношении государство С. Штатов берется само за создавание в заводах с необ'единенными в профсоюзы массами «заводских комитетов» для целей заключения коллективных договоров. Гомперсовские профсоюзы первоначально восторженно усматривают в этом факте начало «юнионизации» неорганизованных масс правительством [4]).

Это сословное перерождение профсоюзов, становящихся об'ектом «ласк и протекции» государства и предпринимателей, приобретает тем большее значение, что в огромной степени *вырастает их удельный вес и значение по сравнению с политическими партиями пролетариата*. Из этих двух типов организации рабочего класса именно профсоюзы выступают на авансцену, они в первую голову «кажолируются и протежируются» государством, «внедряются» в его организм и с того момента, после тех или иных зигзагов развития, приобретают *безусловно первенствующую роль*—в явной или скрытой форме—во всем реформистском рабочем движении [5]).

---

[1]) Зейдель. Цит. труд. Стр. 85.

[2]) «Arbeitsrecht». Стр. 272.

[3]) Survey of industrial relations, стр. 42.

[4]) Поэтому, несмотря на многие перемены, происшедшие с тех пор в С. Штатах, б. глава «Национального Рабочего Бюро» г. Джетт Лаук успел все же вынести из своей практики того времени убеждение, что «*рабочие союзы фундаментально необходимы* («fundamentally essential») *для представительской системы правления*» (т.-е. для демократии). «Political and industrial democracy». New-York. 1926. Стр. 91.

[5]) Только профсоюзы в убеждении профсоюзной бюрократии спасают и революцию 1918 г. от полной бесплодности. Профсоюзы перекидывают мост от войны

Вот как рисует процесс этого «сословного» перерождения (берущего в Германии свое начало в особенности с момента «гинденбурговской программы»), одна небезынтересная буржуазная брошюра о «Кризисе профсоюзов», написанная в 1924 г.

> «Для обсуждения и проведения гинденбурговской программы встречаются оба резчайших антипода, военные и профсоюзные лидеры; нередко в формах самой отвратительной интимности...
>
> «*Кризис профсоюзов вступает в силу*. Профсоюзное движение вырывается из своей естественной «среды», своего окружения в узком и в широком смысле. Громкий шум борьбы кругом него полностью затихает. Оно выплывает на спокойные воды. Оно обеспечено в защищенной гавани, где его качает на своих волнах благоволение народа и властей. *Процесс денатурации* (*вырождения*) *начинается*. Профсоюзные лидеры, вырванные из прежней атмосферы борьбы на многих фронтах, начинают и сами постепенно ощущать, как нечто само собою разумеющееся, то, что профсоюзного секретаря в порядке чего-то явно само собою разумеющегося привлекают ко всем, но буквально же ко всем комиссиям, инстанциям, учреждениям, в качестве «эксперта», в качестве «подходящего человека». Его суждение должно необходимо стать соответствующе «всеоб'емлющим» и «энциклопедичным»...
>
> «*На глазах врастают профсоюзы в эту роль доверительных инстанций. Тогда как политические партии отступают по отношению к военным властям полностью на задний план, профсоюзы вовлекаются на все новые позиции*»...

Если раньше в разделенной на касты Германии профсоюзы представляли своего рода замкнутый низший социальный слой, но «противопоставлявшийся целому миру», то теперь с переменою отношений «внезапно всяк и каждый стал профсоюзником—от простого подручного и кончая высокими регионами техников, служащих и чиновников»... «Профсоюзником стало необходимо стать, чтобы в хозяйственном отношении не отстать, играть роль в профосоюзах служило подчас вернейшим путем к личной карьере»... [1]).

Кто может спорить о том, что в этой не лишенной чисто буржуйского ехидства «картине вырождения профсоюзов» много верного? В том-то и дело—и все позднейшее развитие показало это воочию,—что современные профсоюзы могут быть только либо революционными профсоюзами—по всему духу и всему направлению своей деятельности,—либо вся логика развития «социального государства» должна их неизбежно толкать к сращению с этим государством и с организованным капиталом. Третьего нет.

В другой статье мы представим дальнейшие этапы и тенденции развития «социального государства»: в период революции и затем в переходное время «относительной стабилизации».

через мутные волны революции к позднейшему «прогрессу» и развитию. «*Политическая* революция 1918 г.,—пишет известный германский профсоюзный писатель Л. Эрдманн,—*только потому* могла правотворчески вмешаться в отношения между трудом и капиталом, хозяйством и государством, что рабочее движение создало в капиталистическом обществе силовой центр, к историческим деяниям которого могло примкнуть строительство нового права: *профсоюзы*». Разрядка везде наша. «Arbeit», октябрь 1926 г., стр. 647.

[1]) Th. Brauer. «Krisis der Gewerkschaften». Jena, 1924 г., стр. 12 и след.